

В темноте промелькнул ослепительный луч света, и в тот же миг оконное стекло разлетелось на осколки. Ярко-красные брызги разметались вместе с этим потоком света, а массивную деревянную дверь кабинета с силой отбросило телом низкорослого коренастого мужчины. За дверь вспыхнул яркий свет хрустальной люстры, на мгновение осветив всю тёмную лестничную площадку.

Пронзительный крик в одно мгновение разорвал ночное небо над портом Цзиньчжоу.

Снаружи банка раздалась выстрелы — видимо, прибыла охрана. Трое мужчин внутри выглядели потрёпанными, кто сидел на корточках, кто стоял, пытаясь отдышаться.

— Я не ожидал, что такое случится, мне следовало послать кого-то за вами, — проговорил Сун Чжао, едва переведя дух, сдерживая порыв выбежать и приказать полицейским арестовать всех этих бунтующих студентов и перебить им ноги. Он извинялся перед Гу Шэном. — Я не подумал. Я... я думал, что Цзян Чэн послал за вами машину, но... простите, простите.

Гу Шэн покачал головой, подошёл к окну, сел и, обмакнув перо в воду, начал что-то заполнять.

— Студенты, проучились пару лет и уже забыли своих предков. Сволочи, неблагодарные твари, их бредни не стоит воспринимать всерьёз, — Сун Чжао хлопнул себя по бедру и подошёл к стойке. — Это... господин Гу, что вы... а?

Он не знал, слышал ли его Гу Шэн, но видел, как тот быстро писал, опустив голову. Любопытство взяло верх, и он встал за его спиной, чтобы посмотреть: «Синь Вэньи», «Молодёжь Сюньчжоу», «Синь Юань» — главные редакции журналов... «Синь Юань»?!

Сун Чжао на мгновение потерял дар речи. Названия этих изданий были знакомы, но размыты. Это были те самые подпольные журналы новой культуры, которые распространялись в последние годы, начиная с Цзяннаня на север, и стали предметом горячих споров среди студентов Цзиньчжоу. В них печатались имена известных представителей нового движения. Позже они подверглись преследованиям со стороны милитаристов и чиновников, их издания уничтожали, а организаторов арестовывали, почти полностью разгромив движение.

А Гу Шэн как раз подписывал перевод на триста тысяч серебряных юаней, разделённый на двадцать частей, которые должны были быть отправлены пятнадцати подпольным газетам!

Мозг Сун Чжао, обычно быстрый и сообразительный, с трудом справлялся с этим. Молодой человек, которого только что на улице студенты тащили как символ всего плохого, теперь в его банке заполнял перевод, чтобы поддержать тех, кто устроил весь этот хаос. Сун Чжао, держа в руках бумагу, заикаясь, спросил:

— Господин Гу, вы...?

Гу Шэн обмакнул перо в чернила, дописал последние слова, повернулся и выхватил бумагу из рук Сун Чжао. Его движение заставило Сун Чжао очнуться, и он, с тревогой и сомнением, схватил руку Гу Шэна, понизив голос:

— Ты с ума сошёл? Ты... ты, рискуя быть освиственным студентами, пришёл сюда, чтобы сделать это? Даже если отбросить всё прочее, ты знаешь, что будет, если шпионы обнаружат, что ты жертвуешь деньгами этим запрещённым изданиям?

Он смотрел прямо в глаза Гу Шэна, держа его запястье с бумагой перед собой:

— Если я сейчас донесу на тебя...

— Ты сделаешь это? — Гу Шэн улыбнулся, взглянул на него и мягко высвободил свою руку. — Эти деньги нельзя доверить никому другому, только тебе.

Его улыбка ослепила Сун Чжао, и он на мгновение растерялся. Ранее, видя отношение Гу Шэна к Цзян Чэну, он думал, что этому актёру будет трудно угодить, но не ожидал, что у него есть такая сторона. Теперь молодой человек, чистый и с улыбкой на лице, смотрел на него, его прекрасные черты, словно весенние цветы, смоченные водой, были настолько притягательны, что невозможно было отвести взгляд.

Сун Чжао открыл рот, но слова застряли в горле. Он вдруг понял чувства Цзян Чэна.

Такой человек, чтобы заставить его улыбнуться, готов достать звёзды с неба. Если бы он проявлял такие чувства к кому-то другому, это бы свело с ума.

— Но... — разум Сун Чжао всё ещё сопротивлялся, пытаясь убедить Гу Шэна отказаться от этого бессмысленного поступка. — Ты же видел, как они вели себя, не разбирая правых и виноватых. Они же...

— ...Они правы, — тихо сказал Гу Шэн.

Сун Чжао не расслышал, но Гу Шэн быстро сменил выражение лица, оглянулся на часы в зале и сказал:

— Ещё рано. Сегодня я доставил вам хлопоты, разрешите мне пригласить вас выпить в знак извинения.

Сун Чжао всё ещё взвешивал свои мысли, но его ноги уже неслись за Гу Шэном, и он, руководствуясь инстинктом, указал:

— ...Сюда, это чёрный ход.

Сун Чжао только тогда успокоился, когда они вошли на улицу Жуйсян, где их встретила шумная атмосфера. Он внимательно осмотрел эту улицу с едой и антиквариатом, куда его редко пускали с тех пор, как он поступил в школу.

Гу Шэн, казалось, хорошо знал это место, через несколько шагов свернул в чайный дом и, обернувшись, дал знак Сун Чжао:

— Я не могу позволить себе угостить вас изысканными западными блюдами, так что прошу вас отведать здесь чашку лапши, чтобы успокоиться.

Его слова не звучали как извинение за то, что он угощает Сун Чжао простой едой. Угощение от Гу Шэна, даже если бы это было угощение от Цзян Чэна, ради такой красоты Сун Чжао мог бы без колебаний проглотить даже нож, искренне восхищаясь этим как вершиной кулинарного искусства, не говоря уже о простой чашке гречневой лапши с вином.

Сун Чжао налил вино Гу Шэну, но вспомнил, что тот не пьёт, и, немного поколебавшись, налил только себе, сделав маленький глоток:

— Господин Гу, только что...

— О! Это же господин Гу! Давно вас не видели! Как поживаете?

Громкий, звучный мужской голос раздался рядом, и все взгляды устремились на их стол. Сун Чжао, всё ещё взволнованный недавними студенческими выступлениями, бросил палочки и потянул Гу Шэна за собой, чтобы бежать, но тут же вспомнил, что в таких местах подшучивать над актёрами и говорить глупости — это обычная, не злонамеренная привычка. Он с облегчением вздохнул, поняв, что стал слишком нервным, всё вокруг кажется ему угрозой.

— Господин Гу! Эй, это действительно наш господин Гу! Когда вы приехали, почему не дали знать?

— Отстаньте, господин Гу пришёл, и вы уже тут как тут? Ой, похудели! Эй, этот Цзян Чэн плохо с вами обращается?

— Господин Гу, спойте нам что-нибудь, вы же давно не выступали! Мы все скучаем по вашему пению!

— Да, господин Гу, когда вы снова будете петь в театре? Не слушайте тех, кто говорит глупости, мы действительно любим ваши выступления, спойте хоть что-нибудь!

Эти торговцы и простолюдины, скитающиеся по улицам, словно нашли редчайшую драгоценность. Клиенты из соседних чайных собрались вокруг, крича и требуя, чтобы Гу Шэн спел что-нибудь. Уже почти два месяца они не слышали его голоса, и их уши совсем высохли.

Независимо от того, что думали другие, Сун Чжао считал, что фраза «уши высохли» была невыносима, и не смог сдержать недовольства, сказав Гу Шэну:

— Разве вы не пели в театре пятнадцатого числа? Почему говорят, что вы не выступали полгода?

Гу Шэн отхлебнул суп и покачал головой:

— Четыре главных театра в Цзинбэй берут плату за билеты, цены взлетают до ста юаней за штуку. Люди из района Фуюань не могут себе этого позволить.

Сун Чжао кивнул, но тут Гу Шэн снова взял палочки и лапшу, небрежно ответив:

— Эй, спою, спою, сначала дайте мне доесть лапшу, хорошо?

Его спокойный и уступчивый тон поразил Сун Чжао, он поперхнулся вином и смотрел на него, как на диковинку.

Гу Шэн вытер пролитый суп, посмотрел на него:

— Что?

— О... — Сун Чжао замялся, сегодня он получил столько неожиданностей, что молодой человек, спокойно сидящий среди толпы и доедающий чашку гречневой лапши, почти не вязался с тем, кем он был несколько месяцев назад на вечеринке. Он с трудом привыкал к этому:

— О, я думал, ты не поёшь... ээ, раньше Цзян Чэн просил тебя спеть, а ты с ним поссорился, он был так унижен, аха...

— Я не отказываюсь петь, — Гу Шэн покрутил лапшу палочками, замолчал на мгновение, затем медленно поднял голову. — ...Я просто хочу петь для тех, кто действительно хочет слушать.

В его взгляде Сун Чжао вдруг увидел что-то почти печальное, что глубоко задело его:

— Что?

— Да, — Гу Шэн налил себе чаю, улыбнулся с трудноуловимым выражением. — Я хочу петь для тех, кто понимает искусство. Понимаешь? Я не хочу тратить время на них, я не хочу петь, они заставляют меня чувствовать, что я оскверняю искусство... Они не должны быть такими высокомерными, понимаешь?

Сун Чжао задумался, дешёвое вино из чайного дома, казалось, ударило ему в голову, и его сознание стало плыть, как бесплотный тростник. Он всегда считал себя заядлым любителем театра, но теперь вдруг усомнился в этом.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16144/1445751>